

Михаил Арцыбашев

У последней черты

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
А88

А88 **Арцыбашев М.**
У последней черты / Михаил Арцыбашев – М.: Книга по Требованию, 2012. –
304 с.

ISBN 978-5-4241-1465-6

Михаил Арцыбашев - один из самых популярных беллетристов начала XX века, чье творчество многие годы подвергалось жестокой критике и лишь сравнительно недавно получило заслуженное признание.

ISBN 978-5-4241-1465-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Михаил Арцыбашев
У последней черты

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Маленький городок был расположен в степи, и тому, кто, выйдя за околицу, вглядывался в марево дальних полей, в призраки отдаленных лесов, ползущих по горизонту, и в высокое бесстрастное небо, становилось ясно, что ничтожность кучки людей, живущих, страдающих и умирающих на земле, не красивая трагическая фраза, а простая и даже скучная правда.

Летом горячее солнце стояло над степью, зимой она одевалась холодным белым саваном, в жаркие ночи над нею вставали горы туч, и гром торжествующе прокатывался из конца в конец черного простора, но всегда она была одинаково уныла, загадочна и чужда человеку.

Когда подымался ветер, в степи вставала мелкая сухая пыль и мертвым полчищем серых призраков неустанно шла на город. Она бесшумно садилась на крыши и окна домов, ложилась на стоячие воды реки, покрывала весь город мягким безвольным налетом, и тогда он казался таким же старым и ветхим, как мир. Все было в нем однообразно и убою, как кучка праха, не развеянного ветром.

Именно в таком сером городишке прежде, чем среди зеленых деревьев, розовых гор, синих морей и великолепных зданий, могла зародиться мысль, впоследствии вышедшая в мир и пронесшаяся по лицу земли, как бледный зловещий призрак смерти.

Скала, брошенная в море, исчезает бесследно, но маленький камешек на поверхности стоячего пруда далеко разгоняет неизбежные круги. И то, что каждый день незаметно свершается в грохоте большой жизни, здесь до дна всколыхнуло души и поколебало многие умы.

Позже искали и нашли причину в лице некоего Наумова, нового инженера на заводе местного богача Арбузова. Возможно, тень этого сумрачного человека легла на жизнь, и, действительно, в развитии событий, в их ускорении он играл большую роль. Но, глядя вокруг открытыми глазами, нельзя не видеть, что никакая человеческая воля не может ни на йоту прибавить, ни на йоту убавить того, что есть в жизни, что развивается из корня, выросшего в самую глубину земли, и что раньше или позже, так или иначе, должно привести к неизбежному концу.

В тишине обыденной жизни, в кропотливой суете вековых укладов давно уже зрела эта странная и страшная катастрофа, но еще за три-четыре месяца до нее все казалось так обычно, и никто не сказал бы, что вокруг происходит иное, чем то, что было вчера. Городок изнывал от жары, тихо, мертво и скучно шла обычная жизнь.

Безнадежно и озлобленно скучал и маленький студент Чиж, торопливо бежавший с одного урока на другой.

Старый белый картуз с выцветшим синим околышем по самые уши сидел на его остром черепе, под которым неустанно суетились мысли. Вот уже два года, как, высланный из большого города, он застрял в этом городишке, без всякой надежды когда-нибудь выбраться, и потому ненавидел его всеми силами души, до тоски, до боли. Где-то, рассыпая миллионы искр, стоя и грохоча в муках и восторгах, куется великая боевая, человеческая жизнь, а здесь, точно от начала

веков, никто не слышал громкого слова, не видел открытого живого лица. Не то они спят, не то притаились, не то и не живут вовсе, а так, просто копошатся, словно кучка червей, брошенная в пыль у края дороги.

Солнце стояло прямо над городом, и воздух дрожал от жары, струясь вдоль заборов зыбкой угарной дымкой. Жалкие скелеты акаций на пустынном бульваре беспомощно свесили свои костлявые ветки, и под ними, чуть живая, лежала их убогая высохшая тень. Почти все окна были закрыты от солнца ставнями, и чувствовалось, как томительно задыхаются за ними от зноя и скуки потные, вялые, не думающие, не чувствующие люди. Все как будто вымерло, и даже воробы не чирикали. Чиж, обливаясь потом, бежал по бульвару и ругался:

— Черти зеленые!.. Надо же было выстроить город в таком проклятом месте... Другого угла не нашли, подумаешь!.. Кто их тащил сюда?.. Ведь есть же на свете и леса, и реки... так нет же, точно назло... Идиоты несчастные!

Злоба душила его, и хуже всего было то, что злоба была беспредметна. Чиж лучше кого-нибудь другого понимал сложную сеть необходимости, которая тащит человека и не в такую пустыню. Если бы его спросили, Чиж, не задумываясь, ответил бы, что и не в этом дело, что человек может жить везде, оставаясь человеком в самом широком и богатом смысле этого слова. Но что-то давило его, становясь между ним и солнцем, вместо будущего показывало какую-то серую пустоту и вызывало в нем постоянную нервную злость, источавшую яд на все окружающее.

С другого конца бульвара навстречу Чижу шел человек в форменной фуражке. До того пусто и мертво было кругом, что даже неприятным казалось живое человеческое лицо среди пустой обширной базарной площади, на которой неподвижно стояли красные кирпичные лавки и белые, точно добела раскаленные солнцем церкви с огромными замками на тяжелых, словно навеки запертых железных дверях.

Несмотря на близорукость, Чиж еще издали узнал знакомого казначейского чиновника Рыскова. Рысков шел медленно, как будто совершенно беззаботно и даже легкомысленно помахивая палочкой. Чиж поравнялся, равнодушно взглянул на желтое длинное лицо с лошадиными зубами и маленькими бесцветными глазками, приподнял картуз и побежал дальше. Рысков, помахивая палочкой, пошел в одну сторону, а Чиж еще больше заторопился в другую. Им нечего было сказать друг другу.

Если бы маленький студент внимательнее взгляделся бы в лицо Рыскова, он поразился бы его выражению: маленькие тусклые глазки казначейского чиновника смотрели неподвижно, но в них застыла напряженная, окаменевшая мысль. И размеренное движение его длинных ног, и неподвижность приподнятого лица были мертвы и жутки, как у автомата. Казалось, он идет и вечно будет идти, как заведенная машина, пока чужая воля не остановит его и не уберет с дороги, как никому не нужную, глупую заводную игрушку.

Но Чижу все надоело в этом проклятом городе. Ему казалось, что ничего здесь не может быть, кроме самой мирной обывательской пошлости. Притом он искренне презирал Рыскова, как презирал всех людей, живущих вне круга его убеждений. Лицо казначейского чиновника только вызвало у него новый прилив скачущей злости.

«Ведь вот, живет тоже!.. — с машинальным раздражением подумал Чиж,

вытирая пот с побледневшего лба. — И поди, подумаешь, что великое дело делает!.. Целый день в поту, с мухами, пишет черт его знает что, сгибается перед казначеем, уважает старшего бухгалтера... Потом гуляет по бульвару с девицами, пока не осчастливит одну из них и не родит полдюжины новых казначейских чиновников и даже — о, счастье! — одного старшего бухгалтера... А кой ему черт этот старший бухгалтер?.. И как он не удивится, черт его знает...»

Чижу казалось, что он не выжил бы и трех дней такой жизни.

А озлобленные мысли стремительно бежали дальше, и сам Чиж почти не замечал их: «Хоть бы что-нибудь!.. Хоть бы землетрясение, что ли!.. Ведь бывают же где-то землетрясения... Говорят, катастрофа... кой черт! Не катастрофа, а благодать: дома валяются, земля колышется, женщины бегут нагишом, все забывают о том, кто они и почему и в каких смыслах... Тут тебе и самопожертвования, и грабеж... там кого-то спасли, там кого-то под шумок изнасиловали... весело!.. Я землетрясению рад был бы, а не то, что бы там... Катастрофа! А это не катастрофа, что миллионы людей впадают в состояние трупов?.. Тьфу!»

Чиж даже плюнул от злости и неожиданно остановился.

«Рано еще к купеческим чадам... Зайти к Давиденко, что ли?»

И еще не решив, стоит ли, Чиж машинально свернул в переулок, отворил калитку и вошел в большой, заросший пыльной травой двор.

И сразу стало ему так скучно, точно перед этим было ужасно весело. Он даже хотел повернуть обратно, но так бывало каждый день, и, как всегда, Чиж тоскливо махнул рукой и по протоптанной в траве дорожке с брезгливым видом пошел к голубому облупленному флигельку, стоявшему в самой глубине двора. Где-то под амбаром залаяла собака, но не вылезла на жару. Три курицы и один петух, нахохлившись, сидели в тени под забором. За флигелем сонно торчали пыльные деревья сада.

Чиж вошел в темные сени, нашарил ручку двери и, не постучавшись, шагнул в большую грязную комнату, где было прохладно и тихо, как в погребке. Бросились ему в глаза две неубранные кровати с грязными скомканными простынями, бутылки пива на подоконнике, окурки, растрепанные книги и еще какой-то хлам, терпеливо выглядывавший из-под метлы, брошенной прямо посреди комнаты.

Два студента сидели за столиком и молча сосредоточенно смотрели на шахматную доску. Их косматые головы были низко склонены, широкие молодые плечи повисли от долгого сидения.

— Опять сидят, проклятые хлопцы! не то шутя, не то с искренним негодованием сказал Чиж, ставя палку в угол. — Не надоело еще?

Оба шахматиста подняли головы, не глядя, протянули руки и опять усталились в свои шахматы.

— Да и жара, черт ее возьми! Пива дадите? — спросил Чиж, снимая картуз и вытирая побледневший от жары и усталости лоб. Мокрые волосы слиплись и торчали у него на голове нелепым птичьим хохолком, как у настоящего чижики.

Один из игроков молча ткнул пальцем в бутылки на окне и что-то переставил на доске.

— Здорово! — ленивым басом заметил другой. Чиж налил себе полный, чуть не с верхом, стакан пива и долго, запоем, тянул вкусную холодную влагу. Даже в горле у него забулькало от наслаждения.

— Ух, хорошо! — сказал он, обтирая мокрые усы. — Давиденко, газеты по-

лучил?

— Эге, — не глядя, отвечал широкоплечий и красивый студент, на широких плечах которого полинялая ситцевая рубашка лежала как облитая. Точно под ней были не плечи человеческие, а могучие мускулы чугунной статуи.

— Мишка, где газеты? — настойчиво приставал Чиж, которому было скучно и досадно, что другие заняты, когда ему нечего делать.

Худой Мишка поднял светловолосую умную голову, посмотрел задумчивыми и немного грустными глазами в потолок и сказал:

— Под кроватью.

Чиж плюнул, демонстративно полез под кровать, вытряхнул из газетных листов окурки и сор, сел у окна и стал читать.

Было совсем тихо, и та громоздкая, крикливая жизнь, о которой кричали газеты, была далеко от этой пустой грязной комнаты. За окном шевелились ветки, зеленые тени ходили по потолку. Где-то близко вопросительно чирикнул воробей и, точно удивившись чему-то, замолчал. Чиж шелестел газетой, Мишка и Давиденко молча смотрели на шахматную доску. Маленькие точеные фигурки на доске имели странный и загадочный вид, и похожие, и не похожие на каких-то таинственных человечков, живущих своей особенной, серьезной, правильной и сложной жизнью.

Чиж читал сосредоточенно, привычной рукой ловко переворачивая большие листы. Иногда он наливал себе пива, медленно выпивал, глубоко погружая в пену усы, и опять углублялся в газету.

Перед ним в коротких печатных строках разворачивалась пестрая и тяжелая жизнь большого мира. Живому воображению Чижа, затерянного в маленьком сонном городке, она представлялась ярко и отчетливо. Читая, он как будто бы видел перед собой всех этих журналистов, которые пишут, крестьян, которые голодают, депутатов, которые спорят, палачей, которые вешают, и императоров, которые торжественно и чинно, как в балете, раскланиваются друг перед другом.

Все еще тянулась эта огромная шахматная партия, в которой победа переходит из рук в руки и в которой, как бы ни было безнадежно положение той или другой стороны, смутно, но неизбежно намечается постоянная вечная ничья.

Но маленький студент не видел этого серого итога. Ему казалось, что колесо истории не кружится, а катится вперед, все сокрушая по пути. Он был убежден, что жизнь человеческая только вчера и сегодня, может быть завтра, имеет такой хаотический безнадежный характер. А там придет какая-то великая волна, смоем без следа все старое и грязное, и воцарится стройное, математически справедливое счастье, в котором и он, маленький высланный студент, крохотный смертный человек, имеет какую-то свою долю, свой смысл и свой долг.

И все, что совершалось в эту минуту, все, о чем с пеной у рта кричали газеты, волновало и возмущало его. — Черт знает что такое... Давиденко, ты читал: в Самаре... — громко и возбужденно начал Чиж.

— Э! Черт!.. Опять прозевал! — с досадой сказал Мишка и задвигался на стуле, ероша свои спутанные светлые волосы.

— А ты не зевай, не в бабки играешь, — заметил Давиденко.

Чиж с досадой и укоризной посмотрел на них, презрительно пожал плечами и налил пива.

— Что тут ему сделать хорошего? — раздумчиво говорил Мишка, делая

мечтательные глаза. Он подумал, почесал за ухом, что-то переставил на доске и сказал очень нерешительно:

— Шах!

Чиж вздохнул. Ему вдруг показалось, что повешение в Самаре семи человек вовсе уж и не такое большое дело. Представились эти семь человек вроде Рыскова, Мишки и Давиденко. Уныло и скучно глянули на него их лица, и мелькнула почти неосознанная мысль, что если их повесили, то и черт с ними.

Маленький студент сложил газеты и встал с брезгливым видом.

— Ну, я пойду, — сказал он, ни к кому, собственно, не обращаясь, и взял из угла свою палку.

Игроки не подняли голов.

Синенький дымок вился над ними, напоминая струйки погребального ладана. Зеленые тени беззвучно ходили по потолку, точно колдуя.

Чиж опять перешел заросший пустынный двор, опять услышал вялый собачий лай, посмотрел на трех кур и одного петуха под забором и, выходя на улицу, машинально подумал:

«А потеют ли куры?»

Эта мысль заняла его до странности. Он долго старался припомнить, мысленно перелистал кучу книг, попытался взять логикой, потом воображением, и только придя к выводу, что куры должны потеть, но потная курица-вещь совершенно нелепая, опомнился, с бешенством плюнул и выбежал из переулка.

II

Стало как будто еще жарче. Воздух дрожал и горел белым огнем. Казалось, вся земля притаилась, не смея пошевелиться под ужасным солнечным гневом. Чиж еще не успел выбраться из переулка, как пот уже назойливо и липко побежал со лба, повис на ресницах и едкими струйками покатился на губы и обвисшие усы. В глазах потемнело, в висках застучали твердые молоты. Чиж пришел в отчаяние.

— Удаться, что ли, на время!

И решил зайти в клуб.

Белый двухэтажный дом клуба был пуст и прохладен. В раскрытые двери библиотеки стройными рядами виднелись как будто никому не нужные книги. За стеклами строго блестели их золотые названия и сурово смотрели в пустые залы. В карточной выжидательно зеленели ломберные столики. Было тихо, как в церкви, и только в буфете отрывисто звякали тарелки. Чиж повесил картуз на вешалку, где висела только одна, хорошо знакомая шляпа доктора Арнольди, и через зал, мимо тонконогих ломберных столиков пошел в столовую.

Доктор Арнольди был там. Графинчик водки стоял перед ним, и огромная, задыхающаяся от жары туша доктора в чесучовом просторном промокшем под мышками пиджаке поглощала что-то жирное, облитое сметаной и жидким хреном. Туго завязанные на затылке концы накрахмаленной салфетки торчали, словно кабаньи уши.

— Здравствуйте, доктор, — сказал Чиж. Доктор Арнольди что-то пропыхтел, подал толстую мягкую, как у архиерея, руку и спросил, показывая глазами:

— Водки?

— А ну ее!.. В такую жару да еще водку пить! — с негодованием отмахнулся

Чиж.

— Одну? — пропыхтел доктор.

— Нет, спасибо! — с решительным отвращением покряхтел Чиж, взял стул и сел против доктора.

В открытое окно ему был виден обширный пожарный двор. Оттуда душно пахло разопревшим навозом и пыльным сеном. Под длинным навесом стояли бочки с беспомощно задранными оглоблями и, казалось, тоже изнывали от жары. Ярко блестел на столбе медный колокол, и длинная веревка висела из него, точно высунутый язык.

— Жарко, — произнес Чиж.

— Да, тепло... — пропыхтел доктор и постучал о тарелку.

Заспанный лакей, взлохмаченный так, словно его только что крепко оттащали за волосы, метнулся было от буфета, но по дороге вспомнил, что требуется, и, вернувшись за стойку, принялся заливать сметаной новую порцию холодного поросенка.

— Скажите, доктор, — начал Чиж скучающим и даже придиричивым тоном, — неужели вам еще не надоела эта чертова дыра?.. Ведь вы уже лет десять тут торчите...

— Семнадцать, — поправил доктор, вываливая на тарелку ногу поросенка и обильно смазывая ее сметаной.

Чиж досадливо двинул скулами и отвернулся. Хотя ему вовсе не хотелось есть, но слюна все-таки защекотала во рту. Он посмотрел на пожарный двор, потом на огромное, задыхающегося от собственной тучности доктора и задумался. Беспредметная грусть шевельнулась в нем.

Доктор Арнольди налил рюмку водки, долго, прищурив один глаз, рассматривал ее на свет и сказал с непонятым выражением:

— Некуда идти...

— Как некуда? — взвизгнул Чиж. — Да отсюда хоть в Сибирь!

— Нет, в Сибири еще хуже, — равнодушно возразил доктор Арнольди.

Чиж смешался.

— Ну, не в Сибирь, конечно... Но... Ведь вы человек одинокий, в средствах, кажется, не нуждаетесь... поехали бы за границу, что ли.

— Чего я там не видел? — сказал доктор Арнольди, вытирая салфеткой жирные, бритые, как у старого актера, губы.

— Как чего? Ничего вы не видали!

— Все видел, — лениво пропыхтел доктор.

— Например?

— Да все, что есть... ну, людей, театры, железные дороги... я все видел.

— Надеюсь, вы не хотите сказать, что видели всю вселенную? — задорно спросил Чиж.

— Пожалуй, — хладнокровно согласился доктор.

— Вот те и раз! — с искренним удивлением воскликнул Чиж, любопытно посмотрел на доктора и засмеялся.

Доктор Арнольди отодвинул тарелку, аккуратно сложил салфетку и сделал в сторону буфета что-то, очень похожее на масонский знак. Должно быть, здесь все знаки доктора Арнольди были понятны, потому что лакей моментально подал бутылку пива.

— Выпьете? — спросил доктор.

— Пива выпью с удовольствием! — согласился Чиж.

Доктор налил два стакана, и, пока он наливал, оба внимательно смотрели, как в запотевшем стекле желтыми огоньками заиграла вкусная, холодная, как лед, влага. Даже как будто стало прохладнее.

— Так видели вселенную? — развеселившись, спросил Чиж.

Ему хотелось посмеяться над доктором.

— Видите ли... — с полнейшим отсутствием какого-либо оживления в маленьких, заплывших, но умных глазках ответил доктор Арнольди, — вселенную я, конечно, не обозревал... для этого надо слишком много времени и труда... Но у меня есть о ней некоторое представление, ну, и достаточно с меня...

— Ну, нет... этого слишком недостаточно! — уверенно и с чувством превосходства возразил Чиж. — Дело не в общем представлении, а в самых деталях жизни и природы... Красота именно в разнообразии красок, форм, обычаев... Вы этого не понимаете?

— Я все понимаю, — равнодушно возразил доктор Арнольди, — но только в моей фантазии и то больше разнообразия.

— Как?

— Да так... просто. Что же там? Море всегда синее или зеленое, а я могу представить себе море хоть во все цвета радуги... Есть вот такое поэтическое описание черного озера, в котором жили зеленые русалки... озеро было бездонное... что ж!.. Говорят, Эверест в восемь верст вышиной, а я могу себе представить гору в сто раз больше Эвереста... В сказках бывают хрустальные замки, молочные реки, говорящие птицы... что ж.

— Ну, сказки! — протянул Чиж брезгливо.

— Все равно... Радости мало, — махнул рукой толстый доктор. Чиж подумал.

— А люди?.. Другие порядки, нравы, типы... Вас это не привлекает?

Нет, — вяло ответил доктор Арнольди, — какие там порядки?.. Везде борьба за существование и тому подобное... знаю. Старая штука на новый лад, а я не ребенок... И везде одинаково скверно и по-своему скучно... да и не по-своему, а так, вообще скучно.

— Так что, для вас все одинаковы?

— А что ж? Конечно. Всякий человек смертей, и всякий не удовлетворен своей жизнью, а потом... ну, один носит цилиндр, другой лапти, третий нагишом ходит... не все ли мне — равно.

Чиж с негодованием слушал толстого доктора, и его острое птичье лицо выражало презрительное сожаление о мертвом человеке.

— Ну, хорошо... — как бы уже снисходя до продолжения разговора, сказал он, — а культура?.. Вон там уже летают... вы знаете?

— Летают?

— Да! — самодовольно ответил Чиж, точно успехи воздухоплавания от него зависели.

— Ну и пусть себе летают. Все равно далеко не улетят...

Доктор сказал это таким безнадежно скучным тоном, что Чиж потерял всякую охоту продолжать разговор.

Все это было ему совершенно чуждо и непонятно. Он даже не поверил искренности доктора.

«Просто лень российская, матушка, одолела!» — брезгливо подумал он.

Для маленького студента жизнь была кипение, а природа — неисчерпаемая сокровищница богатства и красоты. Как бедному человеку, не видевшему другого дворца, кроме полуразвалившегося дома разорившегося барина, кажется, что на свете не может быть ничего богаче и красивее, так Чижу казалось, что земля с ее голубенькими морями, кудрявыми деревьями и розовенькими горками есть венец красоты и величия. Мысль его ползала по земле и не могла подняться ввысь, туда, где безграничные пространства, вечный кристальный холод, миллиарды сверкающих светил и великая, могучая неподвижность вечности.

И унылая бессмысленная человеческая жизнь возбуждала в нем преклонение. Голова его горела, когда он думал о борьбе народцев с их крошечными, собственной глупостью воздвигнутыми деспотами, о науке, строящей кораблики и лечащей волдыри, об искусстве, изо всех сил старающемся приблизиться к природе. То страстное, в сущности мало понятное ему самому волнение, которое испытывал он, мечтая о новых формах жизни, обреченных в свое время так же уйти в туман прошлого, как миллионы прежде бывших, казалось ему истинной мудростью. Чиж думал, что, если бы не случайные обстоятельства, если бы он мог жить среди каменных домов, вблизи железных дорог и большого количества людей, в его существовании не было бы пустого места, не заполненного переживаниями высшего порядка и делами громадной важности на счастье человечества.

Теперь жизнь его была бесцельна, глупа и скучна, но в том, что она проходила, как туман над степью, по его мнению, была виновата не она, а маленький городок, жандармы, толстый доктор...

Чиж внимательно, точно увидев в первый раз, посмотрел на доктора Арнольди, сонно тянувшего холодное пиво, и подумал:

«А ведь был человек!.. Говорят, десять лет в ссылке провел... Где все?.. Толст, обжирается поросенком под хреном, пьет пиво и походя спит... Есть ли у него хоть мысли какие-нибудь, или это так, одно простое бормотание?.. Неужели несколько лет провинциальной тины могут так затянуть и исковеркать человека?..»

И Чижу вдруг стало жутко. Он припомнил, что порой ему самому все становится в высокой степени безразлично, и бывают дни, когда не хочется ни читать, ни говорить, ни работать, ни думать.

«Опускаться начинаю! — с внутренним холодком подумал он. — Надо взять себя в руки».

И вспомнил еще, что забыл передать Давиденко литературу для партийных рабочих с арбузовского завода.

Доктор опять налил пива, но Чижу вдруг опротивело все: и доктор, и пиво, и заспанный лакей, и пожарный двор, мирно дремлющий под солнцем. Он встал и протянул руку.

Просто вы соня, доктор, и больше ничего! Ему было приятно последнее слово оставить все-таки за собой.

Доктор Арнольди ничего не ответил, только поднял на него свои заплывшие умные глазки. В глубине их как будто мелькнуло что-то ироническое. Но так мимолетно и тонко, что Чиж даже не заметил.

Когда маленький студент опять бежал по бульвару, его обогнала пролетка доктора Арнольди. Толстый, грузный доктор неподвижно сидел на маленьком